

развернувшихся в последние годы процессах имеется немало негативного; «в некоторых областях общественной жизни,— отмечает автор,— уменьшение концентрированности власти в центре привело к усилению произвола местных органов управления в отношении большинства населения» (с. 206), и такой антидемократизм, судя по всему, будет еще долго продолжаться.

Известно, что в пределах Мордовской республики живет лишь около трети всего мордовского населения страны. В связи с этим В. А. Балашов ставит задачу «создания механизма, обеспечивающего в дальнейшем полнокровное развитие всех мокшанских и эрзянских диаспор» (с. 242). Полагаю, что это должно быть темой специального исследования.

В. И. Козлов

© 1992 г. ЭО, № 6

В. А. Юрченков. Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991. 368 с.; В. Абрамов. По следу времени (исторические очерки). Саранск, 1991. 304 с.; С. Бахмутов, В. Лаптунов. Разорванное ожерелье. Саранск, 1991. 256 с.

В наши дни потребность в историко-краеведческой литературе возросла. Это, безусловно, связано с большими переменами, происходящими в стране, подъемом национального самосознания народов, переоценкой пройденного ими исторического пути, со стремлением покончить с чрезмерной идеологизацией исторической науки, докопаться до подлинных корней тех или иных событий и явлений, выявить достоверные тенденции их развития, воссоздать воистину научную историю каждого народа. Указанные изменения в общественном сознании происходят и в Мордовии. Подтверждением тому является выпуск Мордовским книжным издательством в последние годы целого ряда книг (научных и научно-популярных) по истории, археологии, этнографии, ономастике, краеведению.

Предметом нашей рецензии являются три книги, вышедшие в 1991 г. (их названия вынесены в заголовок).

Как замечает В. А. Юрченков в предисловии, его книга могла быть написана только благодаря многолетнему кропотливому труду, поискам сотен и сотен исследователей — историков, археологов, этнографов, архивистов. Непосредственных ссылок в тексте на труды этих исследователей нет — указаны лишь наиболее важные из них в списке литературы, приложенной в конце «Хронографа». Книга состоит из научно-популярных очерков, отражающих наиболее важные этапы истории мордовского народа — происхождение мордвы, ее жизнь на протяжении двух тысячелетий, борьбу с иноземными захватчиками. Кроме того, в книгу включены и рассказы — художественные произведения, персонажами которых являются как исторические, так и вымышленные герои.

Сразу скажу, что не все очерки написаны одинаково хорошо. Одни удались больше (особенно посвященные более поздним этапам истории мордвы), другие — гораздо меньше, что во многом зависело не только от автора, но и от качества источников. Мордовский народ долгое время не имел своей письменности — его история, особенно древняя и средневековая, в значительной мере воссоздается на основе археологических, этнографических, лингвистических, ономастических, религиозно-фольклористических и других материалов, интерпретация которых требует особых знаний, специальной подготовки.

Именно здесь следует быть максимально осторожным в выводах, необходима тщательная проверка не только заключений авторов, исследовавших эти проблемы, но и самого фактического материала. К сожалению, это не всегда удается В. А. Юрченкову. Например, в очерке «Миф и археология» он вслед за некоторыми другими авторами некритически воспроизводит выдуманный П. И. Мельниковым по библейскому образцу миф о Чам-пасе и Анге-патай как мордовских божествах — создателях мироздания и людей. Согласно этому мифу, некий Чам-пас был провозглашен изначальным верховным богом мордвы, творцом всего видимого и невидимого мира, управляющим им через подчиненных ему богов и богинь. Все эти божества якобы находятся в родственных отношениях между собой, происходят от матери-богини Анге-патай, сотворенной Чам-пасом и являющейся его женой.

Известный мордовский этнограф М. Е. Евсеев писал по этому поводу А. А. Шахматову: «Мельников при составлении своих очерков мордвы пользовался (без указания источника) описанием мордвы Мильковича... Мельников все перечисленные у Мильковича моления принял за божества, приписал им фантастические свойства и сочинил ряд молений этим божествам... Я уверен, что Анге-патай Мельникова (это выражение я больше нигде не встречал) получилось из выражения Мильковича *ате-покитай* — прадед, предок»¹.

В очерке «На рубеже тысячелетий» В. А. Юрченков неправильно называет меты на полевых запашках, ушах домашних животных, «бортные знамена» термином *теште*, что по-мордовски означает «звезда». На самом деле они назывались *тешкс*. В очерке «Сказания и карты иностранцев» допущена серьезная ошибка при цитировании сочинения П. Витсена «Северная и Восточная Татария». Характеризуя религиозные верования мордвы, голландский ученый писал, что они «не молятся идолам»². По Юрченкову же получилось, что они «молятся идолам» (с. 236).

Нельзя согласиться и с утверждением автора о том, что «западноевропейцы практически не ехали в Россию с целью научного изучения страны и ее народов» (с. 234). Даже те ограниченные материалы, которые он сам приводит, не позволяют согласиться с таким тезисом. И вряд ли прав В. А. Юрченков, используя такое выражение, как «чужакивая Европа» (с. 236). Такая однозначная и,

прямо скажем, тенденциозная характеристика не способствует всестороннему анализу ценного вклада, внесенного учеными Западной Европы в изучение народов Восточной Европы, в том числе мордвы.

Вызывает серьезные сомнения вывод автора о «Пургасовой волости» как государстве. В. А. Юрченков довольно часто употребляет термин «древнемордовское государство», «мордовское государство», говоря при этом о «мордовских племенах» (с. 40, 42, 44). Но если речь идет о племенах, то о государстве говорить не приходится, ибо оно характерно для классового общества. В период же племенного строя, т. е. первобытности, государства не было. Что касается «Пургасовой волости», сформировавшейся накануне монголо-татарского нашествия, то это скорее потестарио-политическое образование, возникшее на стадии перехода от доклассового общества к раннеклассовому, когда начинают складываться лишь некоторые элементы государственности. В последнее время этот период истории человечества в специальной литературе получил название периода вождества³.

Ведя речь о Куликовской битве (очерк «Страшное иго»), В. А. Юрченков утверждает, что «мордовские воины вместе со своими князьями принимали в ней участие на стороне Мамая» (с. 96). Хотелось бы увидеть хотя некоторые аргументы, подтверждающие это положение, а иначе оно остается недоказанным.

Автор в сносках подчас раскрывает значение ряда старинных слов и выражений, но делается это непосредственно, и многие слова, ставшие архаизмами, остались без пояснений (*четы, вытвое нязгло, сошное письмо, грань, шипвер, сулица, посадский, кереметь, фузелер* и др.). Было бы целесообразно дать в конце книги словник, раскрывающий значение этих и многих других не упомянутых здесь терминов-архаизмов.

Указанные недостатки, хотя и досадные, в целом не могут умалить положительные стороны книги как научно-популярного издания, пропагандирующего исторические знания. Достоинством ее являются и иллюстрации, часть из которых мастерски выполнена художником А. И. Коровиным. Что касается вышедших из-под пера В. А. Юрченкова художественных произведений, иллюстрирующих те или иные этапы истории мордвы, то их включение в указанный «Хронограф» не представляется оправданным. К тому же художественные качества многих из них сомнительны, они перегружены архаизмами, носят подражательный характер.

Работа В. Абрамова «По следу времени» представляет собой очерки об известных исторических деятелях, так или иначе связанных своими судьбами или происхождением с мордвой. Очерки эти предназначены для учащихся старшего и среднего школьного возраста. «Историю,— отмечает В. Абрамов,— делает народ, а народ состоит из людей. В этой книге собраны биографии деятелей мордовского происхождения, чей исторический вклад следует признать выдающимся. Некоторые из них принесли бы славу любому и более многочисленному народу, другие известны лишь в родной Мордовии» (с. 3). Биографическим очеркам предшествует исторический обзор. Автор высказывает также некоторые предположения о временах, не оставивших письменных памятников.

В отличие от книги В. А. Юрченкова работа В. Абрамова сопровождается довольно обстоятельными примечаниями, что, разумеется, можно лишь приветствовать.

В ряду выдающихся деятелей, описанных В. Абрамовым, есть лица, биография и творческая жизнь которых была непосредственно связана с родным народом (М. Е. Евсеев, В. В. Бажанов, С. В. Аникин, З. Ф. Дорофеев, С. Д. Эрзя—Исфедов (и некоторые другие)). Часть же из этого ряда выдающихся деятелей имела уже косвенное отношение к мордве, не осознавала свою принадлежность к этому народу, хотя и действительно происходила из мордвы. В. Абрамов прослеживает это явление на примере П. С. Мордвинова — выдающегося государственного и общественного деятеля, крупнейшего ученого-экономиста, «обрусевшего потомка знатного мордовского рода, взявшего при крещении имя народа своего и со славой пронесшего это имя...» (с. 191).

Отсутствие у мордвы в дореволюционной России собственного экономического и культурного центра сдерживало ее развитие, приводило, по выражению В. Абрамова, к постоянной «утчке мозгов» (с. 190). Для того чтобы развить свой талант, достичь высокого положения в обществе, способные люди вынуждены были покидать родные места и ехать либо в столицы (Москву, Петербург), либо в губернские центры. При этом они переходили на русский язык, вращались в русскую культуру, становились русскими деятелями в науке, литературе, искусстве, а дети их фактически ощущали себя русскими. Установление мордовского происхождения многих видных деятелей прошлого затруднительно и по той причине, что в дореволюционных метриках национальности не указывалась, отмечалось лишь вероисповедание. «Поэтому,— отмечает В. Абрамов,— подавляющее большинство оторвавшихся от родной земли терялось и для мордовской истории» (с. 190).

К таковым он относит историка В. О. Ключевского, архитектора М. П. Варенцова (Коринфского), патриарха Пикона, протопопа Аввакума.

«Среди выдающихся деятелей, описанных в этой книге,— пишет в „Заключении“ автор,— есть еще один, имя которого неизвестно. Это он строил крепость, чтобы укрыть свою семью от набега готов, вспахивал вытоптанное печенегами поле, вновь поднимал сожженный половцами родной дом... Не каждому дан большой талант, но каждый может добросовестно исполнять свой долг: пахать свое поле, строить свой дом, быть опорой семьи, воспитывать детей, передавать им свой язык, свою веру и надежду. Народ живет, пока люди исполняют свой долг. За этим прошлое и за этим будущее» (с. 293).

Книга С. Бахмутова и В. Лапуна «Разорванное ожерелье» посвящена истории Саранска, его основателям и строителям, улицам и храмам. Она содержит редчайшие иллюстрации, запечатлевшие красоту архитектурных достопримечательностей города, в том числе и тех, которые не сохранились до настоящего времени. Авторы книги поставили перед собой цель «побеседовать с земляками о родном городе, красоте истории и присутствии в ней человека, о шестини времени, под пятой

которого погибла не одна рукотворная жемчужина» (с. 8). Отсюда и название книги — «Разорванное ожерелье».

Книга содержит терминологический словарь, а также довольно обстоятельные «Примечания», свидетельствующие о значительном круге не только литературы, но и источников, в том числе архивных, использованных при ее написании.

Большинство ценностей, о которых авторы ведут речь, исчезло безвозвратно. Но знать о них необходимо хотя бы для того, чтобы уравновесить горечь гордостью за предков, владевших тайной оживления камня, дерева, металла, покорявших людей своим искусством. «Люди же,— верно отмечают С. Бахмутов и В. Лаптун,— отбивали поклоны не только крестам и образам, но и талантам и трудам забытых каменщиков и плотников, художников и ковалей, резчиков и ювелиров» (с. 8).

Хотя авторы из излишней, возможно, скромности, или же осторожности называют свои исторические познания дилетантскими (с. 242), такое впечатление от проделанной ими работы не создается. Наоборот, они довольно глубоко и досконально сумели осветить немало темных страниц истории города, отметившего в прошлом году свое 350-летие, его улиц, зданий и людей, живших в этих зданиях. Пусть бегло, фрагментарно, но все же им удалось дополнить свой рассказ о Саранске фактами о достопримечательностях уезда, который во многом, и прежде всего в архитектуре, следовал образцам своего центра.

Особенно большое внимание С. Бахмутов и В. Лаптун уделили церковной архитектуре — храмам, ибо о них «долгие годы стеснялись писать и говорить» (с. 7). А храмов в Саранске было почти два десятка. Большинство из них в послереволюционные годы ждала печальная участь. И это несмотря на то, что «верующие до конца отстаивали свое право отправлять религиозный культ, смело выступали против властей, если видели произвол по отношению к свободе совести» (с. 129—130). С. Бахмутов и В. Лаптун приводят следующие данные: на территории Мордовии к 1936 г. насчитывалось 577 церквей, из них действовали в 1934 г. 225, через год осталось 136, еще через год — 71; в Саранске из 16 церквей к 1934 г. оставались нетронутыми шесть, в том числе три действующие; в 1936 г. действовали уже только две церкви (с. 130).

Верующие писали лично Калинин, но даже тогда, когда центр предписывал вернуть храм общине, на местах делали все, чтобы затянуть исполнение такого предписания или так изувечить храм, чтобы он действительно стал непригодным для богослужения. Как отмечают авторы, Троицкую церковь вначале отдали под спортивный зал (клуб физкультуры), затем, вместе с Покровской, под зерносклад, причем ни та, ни другая не были официально закрыты, продолжали числиться за общинами. Многие храмы просто закрывали и ломали. Так, в 1930 г. были закрыты и немедленно разобраны кладбищенские Константиновская, Тихвинская церкви и Духосошестввенская, переделана в прачечную Верхняя Казанская, в Дом обороны — собор, в хлебозавод — Христорождественская, в музей — Владимирская, в сапожную мастерскую — Успенская и т. д. (с. 131). Спасенная от уничтожения Иоанно-Богословская церковь оказалась единственным памятником XVII в., дошедшим до нас в том виде, в каком ее видели многие поколения наших предков.

С. Бахмутов и В. Лаптун, завершая книгу, заявляют, что они ставят в конце ее «не точку, а многоточие» (с. 243), выражая тем самым надежду на то, что «кто-то найдет не найденное» ими и «продолжит, как продолжили мы работу тех, кто был до нас» (с. 243). Авторы даже намечают пути этого поиска. «Практически мы ничего не знаем,— пишут они,— о деятельности Общества любителей изящных искусств — дачи саранской интеллигенции. Остаются за семью печатями судьбы замечательных граждан — Масловского, Петерсона, Токаревых, Любимова, Вернера и многих других. Кто и что знает о братьях Сыромятниковых — самых крупных саранских типографщиках, предприимчивых купцах и по-настоящему интеллигентных людях?» (с. 243).

Итак, можно сказать, что издание рецензируемых книг — еще один шаг по изучению Мордовской земли — удивительной земли с удивительной историей. Она пережила многие нашествия, взрастила народ с самобытной культурой и приняла переселенцев с Руси. Не будем идеализировать прошлое: оно не было безоблачным для сосуществования мордвы и русских. Но постепенно время раздоров уходило в прошлое, прежний способ решать проблемы соседствования — «щит на щит, меч на меч» — терял смысл: русские перемешались с мордвой и в мозаике социально-экономических различий, этнокультурной самобытности доминантой становились мирный труд и его защита, неприязнь двух народов перерастала в добрососедство.

И. Ф. Мокшин

Примечания

¹ Евсеев М. Е. Избранные труды. Саранск, 1966. Т. 5. С. 477—478. П. И. Мельников воспользовался рукописью Милюковича, которая была опубликована значительно позднее. См.: Милюкович К. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия//Тамбовские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 18.

² Цитирую по кн.: Феоктистов А. И. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII—XVIII вв.//Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1968. Т. 2. С. 5.

³ Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 130; Першиц А. И. Вождество//Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 34—36.